

Цю Ибо, не раздумывая, подошел. Пройдя через резное окно, он оказался на Нефритовой Площади Сюань Сяо – небольшой платформе, где стояло лишь ложе Чжэньцзюня Цзиньхуна. Не задумываясь, Цю Ибо раздвинул ноги Чжэньцзюня и уселся, сбросив обувь и поджав одну ногу.

Чжэньцзюнь Цзиньхун не обратил на это внимания. Казалось, из-за окружающего пейзажа его брови слегка нахмурились, придавая лицу оттенок усталой отрешенности. Он потянулся, словно никого вокруг не было, и усмехнулся:

- Если бы у Чжэньцзюня не было дела, разве вспомнил бы он обо мне?

Цю Ибо подпер щеку рукой:

- Дядюшка, знаешь, на кого ты сейчас похож?

Цзиньхун слегка приподнял бровь, но не ответил, ожидая продолжения. Цю Ибо не стал тянуть, медленно скользнув взглядом снизу вверх: от босых ног, вдоль стройных ног, через талию – и остановился на глазах, сияющих, как золотое солнце.

- На главную жену, которая десять лет терпеливо ухаживала за родителями в родном доме, пока я развлекался.

Цзиньхун рассмеялся, откинувшись на ложе, плечи его слегка дрожали. Он поднял взгляд, в глазах играли блики:

- А где же сегодня твои младшие сестрички, которые должны поднести мне чай? Если они бесстыжие, я их чай пить не стану!

Цю Ибо взял его за руку, с искренним сочувствием:

- Спасибо, жена, за твои труды!

Цзиньхун залился смехом:

- Чаншэн, ты и вправду удивительный человек!

- Понимаю, – мягко сказал Цю Ибо. – Иначе как бы я смог обманом женить на себе такую красавицу?

Цзиньхун шлепнул его по тыльной стороне ладони, но без злобы, и спросил:

- Говори, зачем пришел? Ты не из тех, кто наведывается без дела.

Цю Ибо не обиделся – удар был легким. Он поджал вторую ногу, отодвинув ногу Цзиньхуна, и удобно устроился на другом конце ложа:

- Оказывается, в глазах дядюшки я такой расчетливый. Сердцу больно.

- На самом деле, дела нет. Просто проходил мимо и подумал, что никогда не был в Тайсьюмэнь, вот и заглянул. Не так уж далеко. Если дядюшка здесь – хорошо, если нет – найду свою двоюродную сестру.

- Правда? – приподнял бровь Цзиньхун.

- Правда, - кивнул Цю Ибо.

- Тогда почему у тебя на лбу морщины? - с умыслом спросил Цзиньхун. - В духовном совершенствовании важны богатство, метод, место и спутники. Ты одарен небесами, за четыреста лет достиг уровня Хэти. Вряд ли проблема в культивации. Ты искусен в создании артефактов - значит, не в богатстве. Линсяо - величайшая секта, обильная духовной энергией. После ухода Гучжоу в затворничество, твой отец и дядя отправились странствовать, и ты по сути владеешь целой вершиной. Что до спутников... разве тебе не хватает друзей?

Цю Ибо усмехнулся:

- Выходит, в глазах дядюшки я идеален?

- Почти, - медленно ответил Цзиньхун. - Вот только неясно, какой именно «спутник» тебя беспокоит...

Сердце Цю Ибо дрогнуло. Он облизнул губы, задумавшись:

- Как дядюшка догадался?

Он понимал, как Цзиньхун это вычислил. Все просто: у него есть и метод, и место, и богатство, и друзья. Молод, успешен - о чем еще переживать? Наверняка о любви.

Но как ответить Цзиньхуну, он не знал. Потому и сказал так.

Если разобраться, это действительно его недавняя заноза.

Цзиньхун рассмеялся:

- Что тут сложного? У всех бывает молодость. В юности тоскуют по родителям, повзрослев - по красоте. Ты думаешь, моя семья с неба упала? Или я ее артефактами создал?

Цю Ибо машинально ответил:

- Но ты же не рожал их сам. Да и не смог бы.

Цзиньхун пнул его ногой. Цю Ибо поймал его лодыжку и положил себе на колени. Он разглядывал ее - у последователей пути даже эта часть тела прекрасна, будто никогда не касалась земли. Кожа гладкая, без малейшей мозоли.

- Дядюшка, не надо предлагать «попробовать». Даже если мы с тобой попробуем, дети не получатся.

Ему стало любопытно:

- А дядюшка разве об этом переживает? Я думал, достигнув уровня Дачэн, такие вещи уже не важны.

Цзиньхун ткнул в него пальцем:

- Даже Дачэн - все еще человек! Скажи, если бы тебе заявили, что ты не способен зачать, разве не рассердился бы?

- Я и правда не способен, - спокойно сказал Цю Ибо. - Я мужчина, да еще и с наклонностями.

Не мне вынашивать детей.

- Разве только в наклонностях дело? - проницательно спросил Цзиньхун. - Это из-за твоего брата?

Цю Ибо кивнул:

- Он сказал, что любит меня. Не как брата, а так... чтобы в постель затащить.

Цзиньхун вдруг фыркнул:

- И это все?

Цю Ибо: «...?»

- Ты что, не справишься?

Цю Ибо сжал его лодыжку:

- Дядюшка хочет проверить? Гарантирую - с постели не встанешь год.

- Если справишься, почему бы не уступить? Разве Чаншэн-Чжэньцзюнь вдруг стал буддистом, потеря девственности разрушит твою культивацию? Ты, наверное, и сам его любишь, иначе зачем переживать? Убей - и дело с концом.

Цю Ибо сильнее сжал его лодыжку. Цзиньхун усмехнулся:

- Что, когда о детях - не злишься, а когда о способностях - краснеешь?

- Дети и способности - разные вещи. - Цю Ибо отпустил его лодыжку. - Наш разговор лучше не разглашать. Обоим будет стыдно.

Цзиньхун фыркнул:

- Какое мне дело до стыда?

Хотя с момента прихода Цю Ибо вокруг действительно никого не было.

- Но разве это не странно - влюбиться в брата? - тихо спросил Цю Ибо.

- Что тут странного? - Цзиньхун лениво взглянул на него. - Чаншэн, оглянись на своих друзей. Есть среди них слабаки?

Цю Ибо задумался:

- Нет.

Будь то Вэнь Игуан, Чи Юйчжэнь, Шуйюй-Чжэньцзюнь или сам Цзиньхун - все они сильны.

- Вот именно, - кивнул Цзиньхун. - Ты кажешься мягким и доступным, но по-настоящему сближаешься только с равными. Кроме нас, стариков, ты среди них сильнейший. Ты любишь силу - значит, любишь и себя.

- Он - часть тебя. Ты любишь себя, он - тебя. - Цзиньхун усмехнулся. - Твой метод и вправду интересен. Будь у меня такой разделенный дух, мы бы уже давно достигли того уровня.

Цю Ибо поморщился:

- Разве это не странно - «познавать» самого себя?

Цзиньхун ухмыльнулся, словно сытый лис:

- А как узнать, не попробовав? Если странно - больше не повторится. Разве с собой нужно церемониться? Тебе ли этого не понимать?

Цю Ибо подпер щеку:

- Не знаю, в чем дело. Раньше я так и думал, но когда дядюшка указал на мою тревогу, я сразу об этом вспомнил.

Цзиньхун пристально посмотрел на него, в глазах мелькнуло что-то опасное:

- Чаншэн, ты практикуешь Путь Бесстрастия... Ты привязан.

Цю Ибо нахмурился:

- Дядюшка думает, это из-за метода?

Цзиньхун покачал головой, потом кивнул:

- Не уверен. Лучше спроси своего наставника. Но, возможно, это к лучшему. Если свяжешься с ним, в будущем будет меньше страданий.

- Убить жену ради прозрения? - Цю Ибо усмехнулся. - Это же путь демона.

Разве не одержимость - убивать ради прозрения?

Цзиньхун сел и протянул руку. Цю Ибо не уклонился. Палец коснулся его лба. Он зажмурился, и вдруг сознание погрузилось в бездну.

Ледяной океан. Голубая тьма. Удушье.

Он увидел, как его дух тонет, опутанный тысячами нитей. Вспышки памяти: дядя Ланьхэ, улыбающийся над доской; отец, глядящий его по голове; дядя Линьюй, смеющийся у перил; Вэнь Игуан с мягким взглядом; разгневанный Лиань; расчетливый Чжанмэнь-Чжэньцзюнь; Шуйюй, полный земных страстей; Цзиньхун с золотыми глазами...

Бесстрастие текло в его жилах, как ледяной ручей, смывая все на своем пути. Но воспоминания цеплялись, боролись.

Дверь, которую проломил По Ицю, вырвалась наружу, увлекая их за собой.

Она звала его имя.

Цю Ибо увидел дверь.

Прямо перед ним.

Осталось лишь закрыть ее - и все закончится.

Он коснулся холодной защелки.

Закреть - и путь будет свободен.

Так требует Бесстрастие.

Цю Ибо смотрел на свет за дверью. Закреть?

Как поступил Шо Юнь-Даожень?

Закреть ли он ее?

Цю Ибо читал записи. Шо Юнь прогрессировал стремительно, почти без препятствий достиг уровня Хэдао. Один шаг - и он постучался бы в врата творения.

Если закрыть дверь сейчас, он, выйдя, сможет достичь уровня Дуцзе. Затем - Дачэн. Если мир Линъюнь не примет его, есть мир Цанъю. За несколько сотен лет он станет Даоцзюнем.

А потом... разберется с проблемами Линъюнь.

Разум говорил: закрыть - выгодно. Для него, для Линсяо, для друзей.

Но сердце спрашивало: зачем?

Кто он будет после?

Разве он совершенствуется ради силы?

- Да. Потому что только сила дает свободу.

Цю Ибо рванул цепь. Она разорвалась. Свет хлынул наружу, уничтожая дверь.

Да. Но я совершенствуюсь, чтобы жить лучше, а не как марионетка.

...

Цю Ибо закашлялся, выходя из озарения. Кровь хлынула у него изо рта, заливая рукава. Его уровень упал с позднего Хэти до среднего, затем до раннего, едва не перешагнув границу Хуашэнь.

Цзиньхун с удивлением наблюдал. Ожидалось, что озарение поднимет уровень, но он, наоборот, упал.

Цю Ибо проглотил пилюлю, стабилизируя повреждения. Бесстрастие взбунтовалось, едва не разрушив метод.

- Спасибо за наставление, - протер лицо рукавом.

- За что? - усмехнулся Цзиньхун. - Ты чуть не скатился до Хуашэнь.

Цю Ибо снял окровавленный халат и вытерся одеждой Цзиньхуна.

- Чай.

Цзиньхун налил ему холодного чая. Цю Ибо прополоскал рот, смывая вкус крови, и вернулся на ложе.

- Без дядюшки я бы не заметил... Этот метод - ловушка.

- Все шло слишком гладко. Видимо, основатель что-то напутал. Может, с головой не дружил!

Еще когда По Ицю признался ему, он почувствовал неладное. Мысли путались. Цзиньхун помог осознать: у Бесстрастия есть изъян.

Там действительно есть дверь. Она запирает эмоции. Мелкие - стираются со временем. Но сильные - накапливаются за ней.

Дверь ускоряет прогресс... но однажды не выдержит.

И тогда лавина чувств захлестнет его.

Кто выдержит такое?

Потому Цю Ибо отказался от двери. Ему она не нужна. Лучше медленнее, но вернее.

С его талантом - зачем рисковать?

Это, видимо, недостаток метода.

Цю Ибо вдруг вспомнил Гучжоу-Чжэньцзюня.

Тот всегда был бесстрашен. Но Цю Ибо знал - он не бесчувственен. С близкими мог улыбаться, шутить.

Но перед уходом в иные миры он уже почти не проявлял эмоций.

Путь Бесчувствия произошел от Бесстрастия, но более радикален. Если у Бесстрастия сложно найти баланс, Бесчувствие просто отрезает все.

Возможно, у Гучжоу тоже есть такая дверь.

И она вот-вот рухнет.

Гучжоу в опасности.

Первой мыслью было предупредить Линсяо-Чжэньцзюня и найти Гучжоу.

Но что это изменит?

Тот уже был на грани прорыва. Если дверь рухнет - неважно, где он.

Да и найти его сейчас невозможно.

Лучше предостеречь Вэнь Игуана.

Цю Ибо и Вэнь Игуан - два сапога пара.

- А мне можно такое слушать? - приподнял бровь Цзиньхун. - Ругать основателя Линсяо в моем присутствии?

- Дядюшка же не чужой, - вздохнул Цю Ибо. - Теперь проблема. Кажется, я практикую проблемный метод.

- Путь Бесчувствия известен рисками.

- Я практикую Бесстрашие. Бесчувствие – его производное. Это истинное наследие Пик Омытых Мечей.

Цзиньхун замер. Он не ожидал такой откровенности.

- Ты рассказываешь мне все? Подумать только...

- «Решение мирских страстей» ты мне поведал, теперь Бесстрашие, еще и секретный мир... Если мы поссоримся, как ты будешь защищаться?

Цю Ибо обнял колени:

- У меня еще два-три десятка методов. Четыре секретных мира. Искусство создания артефактов – тоже уникальный метод.

Цзиньхун опешил:

- Так много?

- Ты сам сказал – я любимец небес. – Цю Ибо улыбнулся. – Говорю, потому что считаю дядюшку близким другом. Если ты окажешься в опасности, я пойду на смерть за тебя. Если однажды предашь – значит, я ошибся. Перед смертью разве что пожалюсь наставнику, чтобы он отомстил – развеял твой прах на моей могиле.

Цзиньхун рассмеялся:

- Ты же сказал – сам виноват. Зачем тогда жаловаться?

- Это разные вещи. Моя ошибка – моя. Твое предательство – твое.

Цзиньхун тронул его голову:

- В этой жизни не подведу.

- Хо-хо, в прошлый раз ты говорил, что хочешь, чтобы я поскорее испытал вкус Дуцзе. – Цю Ибо покачал головой. – Словно жаждал моей смерти.

- Чтобы ты перестал смотреть на меня, как на сумасшедшего. – Цзиньхун сунул ему чашку. – Пей.

- Я смотрел не на сумасшедшего, – сказал Цю Ибо. – А на безумного красавца!

Цзиньхун не понял слова «безумный», но «красавец» звучало двусмысленно. Хотя Цю Ибо говорил это с искренним восхищением.

- Не ломай голову, – усмехнулся Цю Ибо. – Это комплимент.

Цзиньхун улыбнулся:

- Ты забавный, Чаншэн.

- Так и не хочется отпускать.

- Тогда переходи в Линсяо! - воскликнул Цю Ибо. - Я высокого ранга, возьму тебя в ученики. Будешь младшим братом Чжанмэня. Ты будешь звать меня учителем, я тебя - дядюшкой. Не помешает. Вершин у нас много - выделю тебе свою.

- Хитро, - рассмеялся Цзиньхун. - Только мой старший брат тебя за дверь не выпустит.

- Тогда защити меня, - оглянулся Цю Ибо.

В последнее время его слова имели привычку сбываться.

Цзиньхун смеялся над его осторожностью.

- Но я и правда пока не уйду. Дай мне место для затворничества.

- Я помогу исцелиться.

- Лучше продолжай любоваться цветами. С моим бардаком безопаснее разбираться самому... А может, затворимся вместе?

- Зачем?

- У меня есть враг. Даоцзюнь. Я за тебя на смерть пойду - теперь твоя очередь. Постарайся поскорее достичь Хэдао, тогда сразишься с ним, а я буду подбадривать.

- Где же твоя гордость?

- Потерял, - развел руками Цю Ибо, допил чай и встал. - Проводи меня. Еще пара слов - и я истеку кровью. О, и одежду приberi. Иначе подумают, что ты меня избил.

Цзиньхун взглянул на окровавленные халаты и покачал головой.

Цю Ибо вдруг сложил ладони - и одежды исчезли.

Не в хранилище, не в пепел, не в секретный мир.

Просто испарились.

Обычная ткань в мире культивации самоочищается. Но кровь Чжэньцзюня Хэти содержала столько духовной энергии, что ткань не могла ее поглотить без разрушения.

Обычно такие вещи просто убирали или сжигали особым огнем.

Цю Ибо ленился - после падения уровня силы не хватало. Но потом он вдруг осознал: может заставить их исчезнуть.

И попробовал.

Получилось.

Цзиньхун улыбнулся:

- Пойдем.

Он хотел научить его этому, но ученик опередил учителя.

Цю Ибо, видя, что Цзиньхун не спрашивает, решил, что это личная способность, и промолчал.

Цзиньхун затолкал его в спальню, а сам ушел в кабинет.

Раз уж ученик попросил о помощи, учитель должен поддержать.

В затворничестве время летит незаметно.

Когда Цю Ибо открыл глаза, в них мелькнул свет, а уровень стабилизировался на среднем Хэти. Он проверил, нет ли еще каких-то ловушек, и убедился, что все в порядке.

Теперь он даже сильнее, чем был на грани поздней стадии.

Он похвалил себя.

Оглядев роскошную комнату, он плюхнулся на ложе, ругая себя за лень.

Но кому какое дело?

Жить надо в удовольствие.

После долгого сна без сновидений он чувствовал себя отдохнувшим.

Размял затекшие конечности и выпустил Меч Шукуан.

Тот, просидевший в заточении десять лет, тут же начал клевать его.

Цю Ибо играл с ним, подставляя руку.

Но Шукуан, будучи мечом, пробил дыры в ладони.

Испугавшись, он опустил голову.

- Некоторые мечи не ценят доброту, - вздохнул Цю Ибо. - В Обители Мечей я взял тебя не за красоту. Ты висел высоко, одиноко. Мне стало жаль.

- Мы прошли путь от Ци до Хэти. Кроме Цинъюнь, я не использовал другие мечи. Все лучшее отдавал тебе: «Блуждающие звезды», «Причудливые облака», даже драгоценные громовые талисманы ты тратил на рыбалку. Я, Хуашэнь, лично жарил для тебя рыбу, обжигался - но не жаловался.

- А ты воткнул мне дыры. Тебе не стыдно?

Он отвернулся:

- Я обижен. Подумай о своем поведении.

Шукуан в панике стал тереться о его плечо.

Цю Ибо холодно оттолкнул его.

Тогда меч сунул голову ему под ладонь, жалобно скуля.

Цю Ибо пошевелил пальцами.

Шукуан обрадовался, но тут же вскрикнул – несколько красных перьев остались в руке хозяина.

- Дурак! – рассмеялся Цю Ибо, обнимая меч.

- Красиво? Теперь мое!

Шукуан хотел клюнуть его, но сдержался.

Хозяин и вправду хорошо к нему относился...

Стоп.

Разве в Обители Мечей Цю Ибо не взял тридцать мечей? Его учитель даже сделал для них футляр!

И «Блуждающие звезды» он сначала дал другим!

А рыбу жарил для себя, потому что ему не нравилось, как готовят хозяева!

Шукуан закудахтал от злости.

Цю Ибо катался со смеху, удерживая клюв и мяв перья.

Он и вправду был счастлив.

Без двери эмоции стали ярче.

Ученики на пике Цзыюнь смотрели на него.

- Где ваш Чжэньцзюнь? – улыбнулся он.

- Все еще в затворничестве, – ответили ему. – Он велел считать наш пик вашим домом.

- Неужели он и вправду... – пробормотал Цю Ибо.

Разве Цзиньхун серьезно воспринял его слова и ушел в затворничество?

Какой же он хороший друг!

- Тогда позовите Цю Нинли.

Ученик повернулся, но Цю Ибо уже достал котел.

Он вспомнил, что обещал ей создать оружие.

Почему бы не сделать зонтик с тысячей механизмов?

Как у Легендарного Е!

А Цю Нинли... получит просто меч, превращающийся в посох.

Он отправился на платформу Бугуй, где ученики занимались утром.

Разместил котел на солнце и начал работу.

Ученики, никогда не видевшие такого, окружили его.

Цю Ибо объяснял:

- Взгляните на камень Ледяного Ворона высшего ранга. Он Иньский, но хорош для водных техник. Если присмотреться, точки света – источник иньской энергии. Убрав зло камня, можно использовать его силу.

Ученики ахали:

- Вот оно что!
- Никогда не замечал!
- Почему у Чаншэн-Чжэньцзюня так легко получается?
- Проснись! Он же Чжэньцзюнь!

Появилась Цю Нинли.

- Сестра, иди сюда.
- О, она его сестра?
- Не похожи!
- Потому она и сильная!

Цю Ибо велел ей протянуть руку в котел.

Она без колебаний подчинилась.

- Разве я посмею обмануть сестру?
- Я и не боялась.
- Кто боялся – тот и знает, – подмигнул он.

Расплавленный металл обволок ее руку, затем принял форму меча и отправился в котел.

- Потрогай, на удачу.
- Ты полагаешься на удачу?
- Тут все твои сбережения.

Цю Нинли выругалась и коснулась котла.

Через мгновение грянул гром.

Из котла вырвался меч, принявший удар девяти молний.

Он был почти ростом с Цю Нинли, с длинной рукоятью, украшенной узорами облаков и озера.

Наверху сияла жемчужина, словно луна.

- Назови сама.

- Придумай ты.

- Тогда «Плохо сделанный».

- Что?!

- Я несколько раз ошибся, но спрятал доказательства. А то как же мой авторитет?

- Цю Чаншэн!

Цю Ибо рассмеялся.

Завтра Тайсюй-Чжэньцзюнь придет покупать иллюзорный мир создания артефактов.

Деньги сами плывут в руки.

Какое счастье!

<http://bllate.org/book/14686/1310613>